

ТРУМБУЛЛ ХИГГИНС

ГИТЛЕР И СТРАТЕГИЯ
БЛИЦКРИГА. ТРЕТИЙ
РЕЙХ В ВОЙНЕ НА ДВА
ФРОНТА. 1937-1943

Трумбулл Хиггинс

Гитлер и стратегия блицкрига.

Третий рейх в войне на два фронта. 1937-1943

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610785

*Гитлер и стратегия блицкрига. Третий рейх в войне на два фронта.
1937-1943: Центрполиграф; М.; 2009
ISBN 978-5-9524-4564-2*

Аннотация

Подробно рассматривая план по стремительному захвату СССР и его крушение, Т. Хиггинс, известный американский историк, рассматривает ряд причин его провала. Основываясь на подлинных документах, дневниках, письмах и мемуарах военных деятелей – Гальдера, Еременко, Хойзингера и других участников событий, Хиггинс делает вывод о том, что Гитлер и Сталин, являясь несомненными лидерами внутри своих стран, во внешней политике допускали большие просчеты. Об этом свидетельствуют сталинские репрессии, обескровившие Советскую армию, и отход страны к изоляционизму 1939–1941 годов, ослабившие позицию СССР на мировой арене. А также постепенный уход Гитлера от реального видения событий и нежелание хоть в чем-то изменить свои планы.

В книге представлены и причины затягивания союзниками открытия второго фронта, и их политика в отношении нацистской Германии и Советского Союза.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Трумбулл Хиггинс Гитлер и стратегия блицкрига. Третий рейх в войне на два фронта. 1937-1943

Памяти Мэри Пинчот Мейер

*Только война с Россией есть война революционной Германии, война, в которой Германия может искупить грехи прошлого, обрести зрелость и освободиться, освободив других.
Маркс и Энгельс, 1848 г.*

*Потому что именно на востоке лежит наше будущее, и мы оттесним силу и влияние России за те границы, от которых, только благодаря слабости и разобщенности прежних времен, она сумела продвинуться так медленно и так уверенно, <...> чтобы работать на нашу погибель.
Император Франц-Иосиф*

*Я ненавижу славян. Я знаю, что это грех, <...> но просто не могу сдержаться.
Кайзер Вильгельм II*

Мы завершим бесконечное стремление немцев на юг и на запад Европы и устремим свои взоры на восток. <...> Если говорить о новых территориях в Европе сегодня, можно иметь в виду только Россию и граничащие с ней вассальные государства.
Гитлер, 1924 г.

Предисловие

Во время сравнительно мирного периода, когда в открытых обществах Запада генералы автоматически считаются ошибающимися, и немецкие генералы в особенности, удобно обращаться к такой теме, как стремление Гитлера покорить Советский Союз. Здесь, по крайней мере, общественность Запада может согласиться, что таким общепризнанным монстрам в области государственной политики, как Гитлер и Сталин, возможно, несколько не хватало стратегических талантов. Хотя, конечно, было бы слишком смело ожидать аналогичного признания военной неполноценности политических героев Запада.

То, что Черчилль некогда именовал главными и решающими фронтами войны, обычно имело плохие отклики в прессе. В действительности люди чаще ненавидят войну за горькие истины, которые она обнажает, чем за ее слишком уж очевидное зло. Но в войне, как и в любом другом аспекте социальной жизни человека, некоторым армиям и неко-

торым генералам приходится выполнять грязную работу – наносить поражение главным силам противника и платить высокую цену за такие трудные победы человеческими жизнями и материальными ресурсами. Можно не сомневаться, что имена таких командиров – это скорее Грант, чем Шерман, Блюхер, чем Веллингтон, Жуков, чем Эйзенхауэр. Тем не менее неопровержимым остается тот факт, что во Второй мировой войне Восточный фронт был главным и решающим театром военных действий против немцев, театром, на котором, как и в 1914–1918 годах во Франции, был переломлен хребет немецкой армии.

Помимо рассмотрения причин и развала бесславного крестового похода Гитлера на Советский Союз, автор затрагивает и два известных провала коалиции союзников против нацистской Германии: катастрофический советский отход к изоляционизму 1939–1941 годов и тесно связанную с ним тему сравнительного бессилия Запада в сухопутной войне до 1944 года. И хотя повествование не претендует на исчерпывающую полноту в части исходных данных, особенно с советской стороны, материалов, касающихся периода после завершения великой Сталинградской кампании в 1943 году, еще меньше у всех воюющих сторон. Поэтому предлагаемая читателю оценка великой стратегии завершается окончательным крахом попытки Гитлера покорить Советский Союз в феврале 1943 года.

Автор хотел бы выразить свою бесконечную признатель-

ность за помощь в работе сотрудникам исторических подразделений кабинета министров в Лондоне и Государственного департамента в Вашингтоне, национальных архивов и, в особенности, ведомства военной истории американской армии. Я также благодарен ученым, которые нашли время прочитать мою рукопись и высказать критические замечания, выказав рвение и преданность делу, которые могут объясняться только исключительной важностью темы.

Т. Х.

Глава 1

СТРАСТНАЯ ДРУЖБА

1918 г. – 3 сентября 1939 г.

Фашизм одерживает победу за победой и находит свою главную поддержку... в сталинизме. Страшные военные опасности стучат во все двери Советского Союза, и Сталин выбрал этот момент, чтобы разрушить армию и раздавить нацию.
Троцкий, 1938 г.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать теперь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на востоке, дешевле уступят на западе, а кстати, и советская власть полетит. Воюйте, любезные «союзные» большевики, мы вам поможем.
Ленин, 1918 г.

Вы знаете, что я как странник, который должен пересечь бездну по острiu ножа. Но я должен, я просто должен.
Гитлер, сентябрь 1939 г.

Таким образом, факт заключения договора с Россией воплощает в себе объявление следующей

войны. Ее исходом станет конец Германии.
Гитлер, 1924 г.

В 1915 году, впечатляющем году первых немецких побед Первой мировой войны в Польше, генерал Ганс фон Зект, словно используя язык будущего фюрера, писал: «Сепаратный мир с Францией и Бельгией на основе *status quo*. Затем все наземные силы против России. Покорение двадцати тысяч километров, изгнание населения, кроме, конечно, немцев... У нас есть силы сделать это, и мы втянуты в ситуацию, которая в части крови и разрушений оставит *Völkerwanderung*¹ далеко позади, поэтому давайте и вести себя по обычаям периода *Völkerwanderung*».

Пятью годами (изрядно поспособствовавшими исчезновению всяческих иллюзий) позже Зект, теперь руководитель военного управления – тайного преемника немецкого Генерального штаба, запрещенного Версальским договором, писал: «Только в тесном сотрудничестве с великой Россией у Германии есть шанс восстановить свое положение как мировой державы... При этом не имеет значения, нравится нам или не нравится новая Россия. Наша политика должна быть одинаковой по отношению к царской России или государству под управлением Колчака или Деникина». А в 1922 году в официальном меморандуме немецкого канцлера Зект про-

¹ Великое переселение народов (нем.). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

вел свою новую и более сдержанную точку зрения, объявив: «Восстановление широкой общей границы между Россией и Германией есть предварительное условие обретения заново сил обеих стран. Россия и Германия в границах 1914 года! Это должно стать основой достижения понимания между двумя странами». Четвертый раздел Польши теперь стал кульминацией имперских мечтаний все еще слабой Германии, и при этих условиях традиционное прусское дружелюбие по отношению к своему великому восточному славянскому соседу автоматически подтверждалось заново.

Лидеры нового большевистского режима в России определенно не испытывали особых иллюзий по поводу столь радикального сдвига в немецкой политике. Когда весной 1918 года генералы Макс Хоффман и Эрих Людендорф навязали грабительские условия Брест-Литовского мира, лишив Советскую Россию почти половины ее производственных ресурсов, Ленин сдержал яростный протест против таких условий в рядах его собственной большевистской партии, заявив: «Политика революционной фразы должна быть кончена... Армия изнемогла, армия жаждет мира, на фронте идет стихийная демобилизация. Нужна передышка, нужен отдых для подъема масс». При этом Ленин признавал, что мирная передышка, скорее всего, будет короткой и необходимо готовиться к борьбе. С таким же реализмом тремя годами позже, в декабре 1920 года, Ленин сделал вывод, что Германии нужна месть, а России необходима революция. Пока цели

совпадают. Когда же пути разойдутся, немцы станут самыми яростными и непримиримыми врагами русских. А что именно поднимется на руинах Европы, германское господство или коммунистическая федерация, покажет время.

Если после 1918 года Дэвид Ллойд Джордж больше всего боялся, что «страстная дружба» Германии и России даст большевикам средства к достижению мирового господства, Ленина в то время заботило, что благодаря молчаливому пониманию западные державы предпримут совместное с Германией предприятие против пока еще непрочного Советского государства. Конечно, ярому противнику большевизма генералу фон дер Гольцу потребовалось удручающе много времени, чтобы отказаться от немецкого контроля за балтийскими государствами после поражения Германии в 1918 году, и влиятельные фигуры во Франции и Германии, такие как маршал Фердинанд Фош и генерал Макс Хоффман, выступили за совместное предприятие против того, что они, как и Уинстон Черчилль, в то время британский госсекретарь, считали коммунистической чумой на востоке. Однако мы видели, что послевоенная политика фон Зекта отбросила стремления романтиков правого крыла немецкой армии, таких как фон дер Гольц, и что именно в сотрудничестве со своим собратом по несчастью – такой же жертвой Версальского договора – СССР Зект видел возрождение силы Германии за счет Польши.

После завершения русско-польской войны в марте 1921

года Ленин официально обратился к немецкой армии за помощью в реорганизации и модернизации Красной армии. Зект оперативно создал организацию в рамках немецкого военного министерства, которая занималась разработкой программы обучения и промышленного производства для немецкой армии в России. Начиная с 1922 года и до прихода Гитлера к власти немцы обучали красноармейцев использовать танки, отравляющие газы и самолеты и в процессе этого разрабатывали более современную материальную часть для себя, причем на советской территории, вдали от глаз вездесущих версальских инспекторов. До 1931 года немецкий военный атташе в Москве полковник Эрнст Кестринг мог докладывать домой, что «наши взгляды и методы проходят через их взгляды, как красная нить».

В мае 1933 года, через несколько месяцев после назначения Гитлера рейхсканцлером, в Москву прибыла делегация высокопоставленных чинов немецкой армии. Ее приветствовал советский комиссар обороны Клим Ворошилов, высказавший надежду, что узы, связывающие армию Германии и Красную армию, останутся нерушимыми. Однако по приказу Гитлера летом и осенью 1933 года советско-германское военное сотрудничество прекратилось, и, к нескрываемому сожалению Ворошилова и его заместителя, генерала М.Н. Тухачевского, все немецкие базы на территории СССР были ликвидированы.

В марте 1933 года генерал Тухачевский не умерил сво-

их стараний, выразив благодарность немецкой армии за «решающую» помощь Красной армии. Годом позже на традиционном банкете в честь годовщины Октябрьской революции пылкий нацист, военный министр Вернер фон Бломберг в последний раз произнес тост за Красную армию. Договор *de facto*² Веймарской республики и России был наконец прекращен, и, несмотря на предостережения Верховного командования немецкой армии, гитлеровский рейх стал на фатальный путь Второго рейха, по которому он следовал после увольнения Бисмарка в 1890 году.

Осенью 1936 года отношения между нацистской Германией и Советским Союзом достигли самой низкой точки за весь межвоенный период. На съезде нацистской партии в Нюрнберге 12 сентября 1936 года Гитлер заявил: «Если бы мы имели в своем распоряжении неисчислимые богатства и природные ресурсы Уральских гор, а также бескрайние плодородные равнины Украины, <...> под руководством нацистской партии наш немецкий народ купался бы в изобилии». Пятью днями позже маршал Ворошилов в Киеве заверил украинцев, что Красная армия будет готова в любом месте и в любое время, когда ему вздумается обратить свои безумные атаки на советскую территорию.

В действительности советский режим был куда менее уверен в своей способности противостоять быстро растущему могуществу нацистского рейха, несмотря на утроение про-

² Фактически (лат.).

изводства танков и самолетов за период 1934–1937 годов и почти такое же увеличение выпуска артиллерийских орудий и винтовок. Как заявил в своей речи в Академии вермахта в 1937 году немецкий посол в России граф Фридрих фон дер Шуленбург, в основе советской политики лежат два убеждения: первое – что поражение царской России в Первой мировой войне стало следствием отсутствия соответствующей военной промышленности, второе – что русские и уважают, и боятся «вселяющего страх могущества немецкого народа». Далее Шуленбург предупредил, что сомневается в способности идущих чисток советского Верховного командования нанести ущерб военной мощи русских надолго, хотя, конечно, они временно ослабят СССР.

Объяснения беспрецедентного «кровопускания» внутри советского офицерского корпуса в 1937–1938 годах даются разные. В любом случае тем или иным наказаниям подверглись около половины офицеров советской армии – от казни до разжалования и заключения под стражу. Среди них следует отметить трех из пяти маршалов, большинство генералов и, что самое трагичное, почти всех офицеров, имевших бесценный опыт недавних войн в Испании и на Дальнем Востоке. Одновременно возродился введенный от безысходности революционный аппарат времен Гражданской войны в России – назначение во все военные подразделения политических комиссаров для контроля над командирами.

После знаменитой речи Никиты Сергеевича Хрущева на

XX съезде КПСС в 1956 году советское правительство больше не говорило о личной вине казненных и разжалованных офицеров. В течение нескольких лет многие крупные военные фигуры, начиная с маршала Тухачевского, были реабилитированы посмертно или выпущены из лагерей. Кстати, многие были освобождены еще при Сталине и успели принять участие во Второй мировой войне. Вероятнее всего, большая чистка могла начаться при подстрекательстве злого гения нацистской партии Рейнхарда Гейдриха (который сфабриковал свидетельства продолжающегося сотрудничества между немецким и советским Генеральными штабами). Однако довольно скоро и Сталин, и Гитлер увидели в этих предполагаемых свидетельствах возможность устранить противников в рядах своих генералов. В 1944 году, после неудачного покушения на свою жизнь, Гитлер жестоко пожалел о том, что не подверг свой офицерский корпус чистке перед войной, как это сделал его советский противник. К несчастью для фюрера, запоздавшая чистка 1944 года напрямую повлияла на ход военных операций.

Вероятно, самым серьезным последствием советских чисток, которые вскоре были с революционным и самоубийственным эгалитаризмом расширены на все основные области советского общества, было то, что зарубежные страны в дальнейшем имели тенденцию недооценивать продолжающиеся увеличиваться ресурсы советской военной машины. В итоге ни французское, ни британское правительство, ни Ге-

неральные штабы этих стран не были склонны принимать всерьез перспективу альянса с Советским Союзом, да и немцы не слишком опасались возможных советских контрмер, во всяком случае на протяжении ряда лет. По словам главнокомандующего французской армией генерала Мориса Гамелена, которые отражали популярное на Западе мнение в тот момент, «у старой русской армии теперь есть материальная часть. Но что можно ожидать от этой армии после того, как ее генералов и офицеров предавали смерти тысячами». От явной переоценки царской России в 1914 году политически консервативные генералы французской армии перешли к очевидной недооценки коммунистической России в 1938–1939 годах, причем последствия этого для Франции были еще более бедственными.

Хотя в 1934 году после смерти Гинденбурга Гитлер, приняв на себя обязанности президента Германии, потребовал от офицерского корпуса Германии принести ему клятву верности, до 1938 года, как сказано в послевоенном свидетельстве фельдмаршала фон Бломберга, у офицеров и так не было причин выступать против Гитлера. Одновременно со своими многочисленными публичными признаниями в стремлении к миру фюрер реализовывал широкомасштабную программу вооружения и роста вермахта, что отвечало самым сокровенным желаниям немецких военных лидеров. После губительно легкой оккупации Рейнской области в марте 1936 года Гитлер ускорил реализацию программы перевооруже-

ния Германии значительно больше, чем хотелось бы его консервативным сторонникам. В августе 1937 года он принял отставку министра экономики Шлахта, чтобы позволить Герману Герингу провести реорганизацию государства и создать к 1940 году военную экономику. Тем не менее, несмотря на цветистые угрозы свиноподобного шефа люфтваффе пожертвовать маслом ради пушек, к 1940 году Геринг на практике произвел подготовку только к ограниченной войне. Эта ограниченная война основывалась на политически популярной программе подъема жизненного уровня населения вкупе с опасно скромной программой вооружения, во всяком случае для требований всеобщей, тотальной войны.

К 5 ноября 1937 года, параллельно с решением начать строительство Западного вала в Рейнской области, чтобы обезопасить себя от возможного нападения французов, Гитлер бросал все более нетерпеливые взгляды на восток, стремясь добиться, как он утверждал, в лучшем случае временного превосходства рейха в вооружении. К ужасу армейской части его избранной аудитории, Гитлер утверждал, что его цель – определить, где Германия может «завоевать больше, заплатив самую низкую цену». Если цели фюрера все еще зависели от недорогой войны, Гитлер назвал 1943–1945 годы последней датой завершения его программы завоеваний; после этого срока Германия могла ожидать только изменений к худшему в своем положении относительно потенциальных противников. Гитлер предвидел, что англичане, также как

и, вероятнее всего, французы, уже молча списали со счетов Чехословакию, а любую военную помощь чехам со стороны СССР, хотя она является маловероятной из-за японской военной угрозы на Дальнем Востоке, можно предвосхитить скоростью немецких военных операций в Богемии.

Каким бы ни был смысл этой широко обсуждаемой речи, записанной полковником Хоссбахом из личного военного штаба Гитлера, она огорчила не только военную часть аудитории, но также гитлеровского министра иностранных дел барона Константина фон Нейрата, который являл собой нечто вроде дипломатического фасада, уцелевшего с куда менее агрессивных времен Веймарской республики. При поддержке главнокомандующего армией генерала Вернера фон Фрича и начальника штаба армии генерала Людвига Бека Нейрат жаловался, что вся его внешняя политика вытеснена программой, которая, как были убеждены осторожные генералы, вовлечет Германию в большую войну раньше, чем будет завершено ее перевооружение (то есть в 1943–1946 годах). В январе 1938 года Нейрат встретился с Гитлером и сказал ему, что, если тот будет и далее проводить свою новую политику, ему придется найти себе нового министра иностранных дел для ее претворения в жизнь.

Гитлер, уже давно мнивший себя «великим стратегом нового типа, будущим величайшим военачальником, значительнее которого еще не знала история», решил не просто сделать то, что посоветовал Нейрат, но и избавиться заодно

от пессимистов из Верховного командования армии. Поэтому 4 февраля 1938 года Гитлер объявил, что отныне и впредь будет «лично осуществлять непосредственное командование всеми вооруженными силами». И он не только уволил Фрича и Бломберга по вымышленным или сфабрикованным обвинениям, но и принял на себя обязанности военного министра, как и его будущие великие соперники во Второй мировой войне Уинстон Черчилль и Иосиф Сталин, и прямое командование над армией, авиацией и флотом.

Поскольку Герман Геринг, теперь ставший фельдмаршалом, и адмирал Эрих Редер, командовавший военно-морским флотом, были весьма сговорчивыми подчиненными, фюреру оставалось только найти преемника для Фрича. Им стал весьма нерешительный субъект генерал Вальтер фон Браухич, занявший пост командующего армией. Чтобы усилить влияние Гитлера на стратегию, командующим только что созданным Oberkommando der Wehrmacht (OKW) – ОКВ – органом, призванным заниматься планированием взаимодействия между родами войск, – был назначен еще более раболопный армейский офицер. Речь идет о генерале Вильгельме Кейтеле. Начальник штаба ОКВ генерал-майор Альфред Йодль был тоже страстным поклонником фюрера, но человеком значительно более умным и сообразительным, чем Кейтель.

После некоторых колебаний, благодаря вмешательству генерала Йодля, Людвигу Беку было позволено остаться на

должности начальника штаба армии. Вероятнее всего, так получилось в основном из-за большого недоверия Гитлера к его вероятному преемнику Францу Гальдеру – римскому католику, что, по мнению фюрера, было грехом почти таким же отвратительным, как преданность Бека более традиционным лютеранским ценностям прусского Генерального штаба. Более того, Гитлер имел веские основания с неприязнью относиться к офицерам, которые, как он сказал позже, имели «преувеличенно теоретические мозги». Поэтому он с удовлетворением следил, как Йодль создает свой оперативный штаб, как средство принижения армейского Генерального штаба до еще более низкого, хотя и не тайного, статуса, до которого он был повергнут диктатом Версаля. С другой стороны, как и Фрич, меланхолический Бек выказывал не больше веры в такие революционные тактические инновации, как танковые дивизии, к коим были благосклонны все нацистские генералы, чем в революционные методы фюрера в политике и стратегии.

Когда чистка министерства иностранных дел и Верховного командования армии была практически завершена, Гитлер наконец оказался в ситуации, когда мог сделать политически популярный шаг – аншлюс Австрии. Это было сделано в марте 1938 года с применением лишь угрозы силы, вопреки растущему противодействию многих высокопоставленных офицеров такому повороту событий. Нервный шеф абвера адмирал Вильгельм Кана-рис выразил именно такое

мнение, когда приветствовал своего австрийского коллегу словами: «Но почему же вы, парни, не стреляли? Тогда бы капрал [Гитлер] понял, что все не может идти так вечно. Как еще можно вразумить человека?» В Генеральном штабе бывшего капрала сравнивали со шведским королем Карлом XII, безрассудным монархом XVIII века, в конце концов уничтожившим имперские притязания Швеции в катастрофической кампании на Украине.

5 марта генерал Бек направил очередной тревожный меморандум новому командующему армией генералу Браухичу. В нем он подчеркнул, что, в случае нападения Германии на Чехословакию, пока еще слабый рейх столкнется с враждебностью англичан и французов, которых поддержит Америка и Советский Союз. В действительности, как вскоре осознал Гитлер, безусловно наделенный некоторым политическим чутьем, британское общественное мнение не позволит правительству рисковать войной, даже если вероятность такого развития событий 1:100. Да и у Франции вряд ли было желание штурмовать немецкие фортификационные сооружения на западе ради спасения одного из своих мелких союзников на востоке. Американцы мучительно старались решить проблему войны, сохранив нейтралитет. Кроме того, британский посол в России недавно сообщил в Лондон свое мнение, хотя не исключено, что он принял желаемое за действительное, что советское правительство не имеет намерения ввязываться в войну с Германией только для того, что-

бы помочь Чехословакии. И в любом случае Красная армия не лучше подготовлена к ведению наступательной войны за границами своей страны, чем французская.

После проведения чехами частичной мобилизации 20–21 мая Гитлер впал в ярость, настоящую или притворную. 28 мая он проинформировал командующих войсками и министерство иностранных дел, что Чехословакию следует «стереть с карты мира» посредством военных действий, причем сделать это еще до октября 1938 года, а строительство фортификационных сооружений против Франции и расширение вермахта необходимо ускорить. Чтобы успокоить потрясенных генералов, фюрер заверил их, что день расчетов с Западом еще впереди – он наступит года через три-четыре. Бек немедленно ответил, что фюрер быстро движется к «непригодным для обороны позициям», которые могут «решить судьбу Германии». Йодль, в свою очередь, отметил, что конфликт между интуицией фюрера и расчетами армии снова обострился.

В конце июля, в своем последнем обращении к Браухичу против риска войны с Чехословакией, Людвиг Бек потребовал встречи всего Верховного командования армии в надежде, что планы Гитлера вызовут массовую отставку генералов. Несмотря на то что большинство генералов на закрытом совещании 4 августа поддержали Бека, Гитлер сумел подавить зарождающийся бунт Генерального штаба, применив ловкую дипломатическую тактику по отношению к политикам Ве-

ликобритании и Франции. Но как неодобрительно выразился в своем дневнике генерал Йодль, Генеральный штаб все же чувствовал ответственность за жизненно важные политические решения, поскольку ему не доставало веры в «гений фюрера».

В результате в конце августа 1938 года в отставку подал только один Бек. Чувствуя себя в полной безопасности после англо-французской капитуляции в Мюнхене в сентябре, Гитлер уволил еще нескольких человек из числа тех, кто, как он подозревал, были самыми активными заговорщиками среди армейских генералов. Как и Браухич, Франц Гальдер – более стоворчивый преемник Бека на должности начальника штаба – не был склонен доводить заговор против Гитлера до точки, когда необходимо было начинать действовать, учитывая ошеломляющую политическую победу последнего в области дипломатии, всегда несколько чуждой для генералов.

Хотя Гитлер был разочарован в своем стремлении к небольшой войне против Чехословакии, его мимолетное огорчение было ничем по сравнению с унижением и страхом отсутствовавшей в Мюнхене великой европейской державы – Советского Союза. Давно опасавшийся именно такого урегулирования вопросов между капиталистическими странами Запада параноидальный менталитет коммунистического режима теперь имел достаточно оснований для вывода, что советский сад очень скоро станет самым лакомым кусочком в меню, подготовленным для задыхающегося от

жадности фюрера внешне любезными государственными деятелями Лондона и Парижа.

Хотя в 1938 году у западных держав не было причин считать, что за сильной официальной советской линией поддержки Чехословакии последуют активные действия в случае войны, не могло быть сомнений в том, что разочарование русских относительно Мюнхенского соглашения было настоящим, даже в то время. Горькое замечание Владимира Потемкина, заместителя советского министра иностранных дел Максима Литвинова, высказанное им 4 октября 1938 года, то есть сразу после Мюнхена, французскому послу, отражает истинную советскую позицию намного точнее, чем последующее сталинское полуизвинение на Ялтинской конференции в 1945 году. Пожаловавшись, что западные страны намеренно исключили СССР из мюнхенских переговоров, Потемкин не смог совладать с эмоциями, и якобы он крикнул французскому послу Робберу Кулондру: «Мой бедный друг, что же вы наделали? Теперь я не вижу другого выхода для нас, кроме четвертого раздела Польши».

Пятью месяцами позже, 10 марта 1939 года, в речи XVII партийному съезду сам Сталин подкрепил «крик души» Потемкина предупреждением, важность которого была должным образом оценена, по крайней мере в Берлине, если не в Лондоне. Отметив статьи в западной прессе, касающиеся предполагаемой слабости советской армии и военно-воздушных сил, Сталин сказал: «...можно подумать, что райо-

ны Чехословакии были сданы Германии в качестве платы за обязательство начать войну против Советского Союза». Далее Сталин сделал вывод, что Россия должна быть осторожной и не позволять другим странам использовать ее для того, чтобы таскать для себя каштаны из огня.

Реакция Гитлера на новую позицию Сталина проявилась через пять дней. 15 марта, несмотря на недавнее Мюнхенское соглашение, он оккупировал Прагу и оставшуюся часть чехословацкого государства. Хотя 17 марта в Великобритании премьер-министр Чемберлен наконец открыто спросил, не последует ли за этой акцией Германии другой акт агрессии против маленького соседа, он никак не желал отказываться от своих прежних взглядов, что явствует из его личной переписки с сестрой. Подчеркивая проведение им политики уступок, Чемберлен писал: «Я должен признаться в своем глубочайшем недоверии к России. Я не верю в ее способность вести эффективные наступательные операции, даже если она захочет. Я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, не связаны с нашим пониманием свободы и направлены только на то, чтобы рассорить, натравить друг на друга всех остальных. Более того, ее ненавидят и подозревают даже небольшие государства, в первую очередь Польша, Румыния, Финляндия».

Тем не менее, опасаясь немедленного нападения немцев на Польшу и не ожидая соглашения с Советами, которым он так не доверял, и даже согласия французских союзников, 30

марта Чемберлен предложил Польше одностороннюю британскую гарантию защиты против Германии. Это была прихоть, за которой вскоре последовали почти столь же провокационные и несерьезные гарантии для Румынии и Греции. Осужденный в парламенте и Уинстоном Черчиллем и Дэвидом Ллойд Джорджем сей акт открытого вызова, правда слабый, вызвал моментальную ответную реакцию Гитлера, который 3 апреля принял решение напасть на Польшу после 1 сентября того же года. Фюрер был непоколебимо убежден, что советская интервенция для спасения Польши представлялась маловероятной, поскольку такое вмешательство было бы отвергнуто Польшей, вследствие ее страха перед большевизмом. Гитлер также начал рассматривать последующую немецкую оккупацию балтийских государств.

Еще более серьезной была советская реакция на проявление демонстративного пренебрежения со стороны Чемберлена, давшего Польше и Румынии, без договоренности с Советским Союзом, подобные обещания. Когда 16 апреля предложение советского министра иностранных дел Литвинова о создании англо-русско-французского пакта о взаимопомощи не вызвало интереса британской стороны, советский посол в Берлине уже на следующий день проинформировал министерство иностранных дел Германии о том, что нет никаких причин, по мнению советской стороны мешающих нормализации отношений между Советским Союзом и Германией. «И, – добавил советский посол, – из нормальных

эти отношения могут становиться все лучше и лучше».

Во время беседы Гитлера с румынским министром иностранных дел Григоре Гафенку, состоявшейся 19 апреля, ярость фюрера в отношении англичан была очевидна. Выразив свое разочарование невозможностью достижения договоренности с Великобританией по польскому вопросу, Гитлер заявил, что, если Англия хочет войны, она ее получит. Причем это будет вовсе не легкая война, как хотелось бы думать англичанам, и она будет не похожей на предыдущую. «Как, – вопрошал Гитлер, – англичане могут представить себе современную войну, если они не могут даже выставить на поле боя две полностью оснащенные дивизии?»

Вскоре Гитлеру предстояло получить ответ на свой вопрос. 27 апреля Чемберлен весьма неохотно объявил воинский призыв – беспрецедентная мера в британской истории. А в параллельном измерении шеф немецкого военно-морского флота адмирал Эрех Редер готовил свои небольшие силы к военно-морской войне с Великобританией, войне, которая, по заверению Гитлера, не должна была начаться раньше 1945 года.

В дальнейшем усиление британских мер против нацистской Германии вело к ослаблению советской реакции. 3 мая советский министр иностранных дел Максим Литвинов был снят правительством со своего поста. Его нееврейский преемник Вячеслав Молотов был в выигрышном положении с точки зрения восстановления дружественных отношений с

Германией, поскольку его имя не ассоциировалось с политической коллективной безопасностью в союзе с западными странами против нацистской экспансии.

Нападки нацистской прессы на Советский Союз прекратились, и англичане встревожились: русские могут оказаться потерянными для Запада. Уинстон Черчилль 4 мая объявил, что больше нельзя терять время на переговоры с Россией, потому что «нет средств для поддержания Восточного фронта против нацистской агрессии без активной помощи России». Официальная советская газета «Известия» 11 мая написала о нехватке взаимности в западной концепции пакта о взаимопомощи, который предоставляет России в одиночестве нести военное бремя против Германии. Уже 19 мая Черчилль, выступив с резкой критикой Чемберлена в палате общин, спросил, почему премьер-министр противится альянсу с Россией в мирное время, который может предотвратить войну, если принимает необходимость соглашения с Советами в военное время. Черчилль, как военный историк, также подробно остановился на последствиях краха России на Восточном фронте для Запада в 1917 году, в результате которого миллион немецких солдат и пять тысяч пушек были переброшены во Францию для последнего отчаянного выступления немцев против британской армии весной 1918 года. Однако Чемберлен все еще предпочитал мир рискованной политике втягивания всей Европы в войну против Третьего рейха ради вероятной выгоды Советского Союза.

Хотя Чемберлен продолжал уклоняться от того, что Черчилль справедливо назвал жестокими фактами, скорее всего, последний даже не подозревал, до какой степени обезумел Гитлер, стремясь любой ценой расширить границы рейха. В речи, обращенной к своим генералам 23 мая, вероятно рассчитанной на то, что благодаря утечкам она испугает Запад, Гитлер заявил:

«Дальнейший успех не может быть достигнут без кровопролития... Данциг вовсе не является предметом обсуждения. Это вопрос расширения нашего жизненного пространства на восток, обеспечения нашего снабжения продовольствием, решения балтийских проблем. Снабжение продовольствием может вестись только из малонаселенных районов. Помимо естественного плодородия, радикальная немецкая эксплуатация многократно увеличит излишки. Другой возможности в Европе нет. <...>

Мы не можем ожидать повторения чешского дела. Будет война. Наша задача – изолировать Польшу. Успех изоляции будет решающим.

Не является невозможным и то, что Россия выкажет отсутствие интереса к разорению Польши. Если же Россия предпримет шаги против нас, наши отношения с Японией могут стать ближе. Война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть. Идея, что мы можем дешево отделаться, опасна, такой возможности нет. Мы должны сжечь мосты... и приготовиться к войне продолжительностью 10–

15 лет».

Согласно подсказке Гитлера о том, что можно надеяться на отсутствие интереса у русских к разорению Польши, в течение следующих двух месяцев длинные осторожные щупальца тянулись из немецкого министерства иностранных дел к Советскому Союзу. Вероятно, более эффективным стимулом к улучшению отношений с Россией было успешное давление нацистов на Финляндию и балтийские государства, чтобы те воздержались от каких-либо оборонительных договоренностей с СССР, как того требовали русские в качестве части платы за пакт с Западом. Русские не видели причин забывать известное объяснение маршала фон Гинденбурга министерству иностранных дел в 1917 году о том, что ему необходимо контролировать балтийские государства для маневрирования левого крыла в будущей войне с Россией.

Не менее осторожно британское министерство иностранных дел продолжало вести переговоры с Советами, поддерживая их на сравнительно низком уровне и выражая полное нежелание сотрудничать с русскими, кроме как на удовлетворительных для поляков условиях. Хотя французы постоянно требовали достичь соглашения с русскими, пока Гитлер не сделал того же самого, британское правительство совершенно не желало давать Советскому Союзу гарантии в балтийских государствах, на которые он рассчитывал. Такие гарантии, вероятнее всего, в перспективе должны были при-

вести к поглощению Советским Союзом малых государств. Британия не могла смириться с предложением России пусть даже неопределенного куска Восточной Европы в качестве платы за альянс с Западом. А немцы обладали решающим преимуществом – они могли предложить русским нейтралитет и, таким образом, время для военной подготовки к началу всеобщей войны.

То, что такой потенциальный дар германского нейтралитета, в противоположность малообещающей перспективе выступления против Германии без помощи западных стран, едва ли был предложением, которое Советский Союз мог легко отвергнуть, видно более отчетливо, если одновременно рассмотреть угрозу альтернативной немецкой сделки с Японией. Японская Квантунская армия в Маньчжурии 28 мая 1939 года возобновила ранее неудачное «прощупывание» советских дальневосточных пограничных регионов в более широком масштабе, чем прежде, на этот раз против советского государства-сателлита – Внешней Монголии. Одновременно, как, вероятно, подозревали русские, японский премьер Киитиро Хиранума начал переговоры с Германией о трансформации Антикоминтерновского пакта 1936 года в более эффективный военный альянс против Советского Союза. Здесь, возможно, более, чем где-либо, лежит источник отчаянной необходимости русских в активном и могущественном союзе с англо-французской коалицией или, в

качестве альтернативы, *bona fide*³ пакте о нейтралитете с гитлеровским рейхом, ставшим агрессивнее, чем раньше.

К началу первой недели августа Гитлер окончательно потерял терпение из-за медленного хода переговоров между нацистами и русскими – приближался конечный срок начала его осенней кампании против Польши. 8 августа он заявил, что, по его мнению, Россия не рискнет ввязаться в войну с Германией. Он объяснил своему венгерскому гостю, что Советы «не повторяют царской ошибки и не станут истекать кровью ради Великобритании... Вместо этого они попытаются обогатиться, возможно, за счет прибалтийских стран или Польши, но не ввяжутся в военные действия».

С другой стороны, 12 августа во время встречи с обеспокоенным и исполненным недоверия итальянским министром иностранных дел графом Галеаццо Чиано Гитлер вел себя в соответствии с линией своего министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа, утверждая, что Франция и Великобритания не вступят в войну ради спасения Польши. Гитлер сумел скрасить свое разочарование, узнав от Чиано о неготовности Италии вступить в войну в 1939 году, только что полученными из Москвы новостями о готовности начать переговоры на высшем уровне с рейхом по вопросам, ставшим чрезвычайно важными для русских.

Британская и французская военные миссии сравнительно низкого уровня прибыли в Россию без особой спешки и на-

³ Добросовестный (лат.).

чали переговоры в тот же день – 12 августа, когда поступил ответ русских нацистам. Тем не менее со стороны русских в военных переговорах с англо-французской миссией участвовали самые высокопоставленные военные, во главе которых стоял министр обороны Ворошилов. В них принял участие генерал Б.М. Шапошников – начальник штаба советской армии после падения Тухачевского.

Деятельность западных военных миссий сдерживалась недоверчивым отношением политиков к Советскому Союзу, а также крайне пессимистичной оценкой военных возможностей СССР, тогда господствовавшей среди британских и французских военных. Например, по оценке британских военных экспертов, весной и летом 1939 года Красная армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы настолько плохо оснащены техникой и так сильно пострадали от чисток офицерского корпуса, что не могут организовать сколь бы то ни было эффективное наступление в Польшу или Румынию. Такая явная недооценка еще более удивительна в свете уверенных успехов советской армии на Дальнем Востоке.

Если западные державы придерживались невысокого мнения о возможностях советских военных, то вскоре выяснилось, что у русских было намного больше оснований иметь невысокое мнение о возможностях английских и французских военных и планах, в особенности касающихся шансов организации наступательных операций на западе, необходимых для облегчения ситуации на Восточном фронте. Уже 13

августа маршал Ворошилов скрестил шпаги с британским генерал-майором Т. Хейвудом относительно наличия только шести британских дивизий для службы во Франции. Хейвуд ответил, и это было лучшее, что он мог сказать в сложившихся обстоятельствах, что Первую мировую войну Британская империя тоже начала шестью действующими дивизиями, но постепенно ее вклад в военные усилия союзников достиг уровня 100 дивизий. Однако именно то, что случилось с Россией до того, как Британия вступила в Первую мировую войну, больше всего тревожило Сталина. Как и французам, русским не повезло жить на собственном острове и иметь возможность готовиться к серьезной войне в удалении от всех.

После этой не предвещающей ничего хорошего увертюры, характерной для англо-русского диалога и в будущем, 14 августа Ворошилов перешел непосредственно к делу. Он спросил, может ли Красная армия действовать против немцев через польскую и румынскую территории, и заявил, что этот вопрос является чрезвычайно важным, по сравнению с ним все остальные являются второстепенными. Советский министр обороны заявил, что без точного и недвусмысленного ответа на него дальнейшие военные переговоры являются бессмысленными.

«Великая драма», как Гитлер совершенно правильно проинформировал своих слушателей в Оберзальцберге, в тот же день подходила к «кульминационной точке». Сталин, ко-

торый, по словам Гитлера, больше не имел желания «таскать британские каштаны из огня», ничего не приобретал, но имел все основания опасаться войны, в том числе и победоносной Красной армии, если он выиграет. Что касается англичан, теперь Гитлер открыто признал, что они могут вступить в войну, несмотря на свою полную неготовность, но утверждал, что они не хотят долгой борьбы. В последнем безрассудный фюрер, очевидно, ошибался; он, вероятно, забыл, что другие тоже могут очертя голову бросаться в авантюры, особенно если их со всех сторон окружают вражеские ловушки.

Поздно вечером того же дня – 14 августа – по приказу Гитлера министр иностранных дел Риббентроп телеграфировал в Москву требование личной встречи с Молотовым и Сталиным. В осторожном ответе на следующий день Молотов поинтересовался у немецкого посла Шуленбурга шансами на то, что Германия употребит свое влияние на Японию ради улучшения отношений с Россией, а также возможностью заключения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

На следующий день, 15 августа, возможно для того, чтобы произвести максимальное впечатление на западные страны серьезностью намерений и значительностью ресурсов русских, генерал Шапошников обрисовал советский план развертывания 136 русских дивизий и 9000 танков в случае нападения Германии на СССР через балтийские государства.

На этот не слишком вероятный случай Шапошников потребовал, чтобы западные страны использовали 70 % этих сил для активного выступления против рейха. Эта задача в любом случае была выше возможностей английской и французской армий, все еще не организованных для наступательных операций. В этом случае и Польша должна была направить все свои силы против рейха в интересах России.

В случае вероятного нападения Германии на Францию Советский Союз обязывался обеспечить 70 % сил западных держав в русском наступлении на Германию через Польшу и Литву; западные державы гарантировали русским право пересечь польскую и, если возможно, литовскую территорию. Для самого вероятного развития событий, иначе говоря, нападения немцев на Польшу Шапошников пообещал значительное соответствие любым западным силам, развернутым непосредственно против Германии, если Польша, а если возможно, Литва и Румыния дадут Красной армии право пересечь свою территорию.

Упражнения Шапошникова в том, что Джон Эриксон справедливо назвал «категорическим императивом», не вызвали немедленный ответ позитивного характера от поляков. Маршал Ворошилов 17 августа прервал встречи военных до 21 августа, утверждая, что без такого ответа дальнейшие обсуждения бессмысленны. С плохо скрытым сарказмом Ворошилов посоветовал западным военным делегациям наслаждаться видами Москвы, пока их правительства получают от-

вет от Польши.

Несмотря на уверенный отпор русских, 17 августа генерал Хейвуд написал спокойное объяснение в свое военное министерство, в котором относительно позиции советской стороны было сказано следующее: «Руководствуясь здравыми военными соображениями, они хотят воспользоваться всеми преимуществами сотрудничества с польской армией, а не ждать, пока эта армия будет побеждена, и им придется поддерживать остатки разгромленной армии, что может иметь самое неблагоприятное влияние на их стратегию и состояние их войска».

То, что поляки не собираются облегчать жизнь потенциальным союзникам больше, чем противникам, стало ясно уже на следующий день. Начальник штаба польской армии заявил, что, по его мнению, русские желают пересечь те части территории Польши, которые раньше были русскими, только с целью их повторной оккупации, а не для ведения наступления против Германии. Несмотря на возрастающее давление со стороны теперь уже всерьез обеспокоенной Франции, потребовалось несколько дней, чтобы поляки с большой неохотой приняли менее бескомпромиссную позицию, но к тому времени было уже слишком поздно. Короче говоря, поляки считали, что Вторая мировая война, которая вот-вот должна была начаться, будет вестись не только из-за западных, но и из-за восточных границ Польши, а значит, в конечном счете из-за права Польши на существование

в качестве суверенного государства.

Все было кончено 19 августа, когда, вследствие возобновившегося давления нацистов на Москву по вопросу заключения пакта о ненападении, Сталин лично согласился принять Риббентропа. Для Гитлера это было большой удачей, поскольку установленный им срок нападения на Польшу приближался. Генерал Георг Томас, занимавшийся вопросами экономики и вооружения в ОКВ, и глава абвера адмирал Вильгельм Канарис неоднократно предупреждали фюрера о том, что Германии не хватит боеприпасов и горючего для военных действий продолжительностью более нескольких недель, а на флоте готово только 10 субмарин для операций в Атлантике. Но все это, должно быть, еще более усилило желание Гитлера пожать руку своему непримиримому идеологическому противнику на востоке.

В качестве самооправдания перед военной верхушкой Гитлер 22 августа заявил: «Мне было совершенно ясно, что конфликт с Польшей рано или поздно произойдет. Я уже принял решение весной, но полагал, что сначала, через несколько лет, поверну оружие на запад, а только потом на восток. Но последовательность может меняться».

Далее Гитлер разъяснил, что, поскольку ни один немец не обладает большей политической значительностью, чем он сам, лучше действовать сейчас против оппонентов на Западе, которых возглавляют весьма посредственные государственные деятели. Политикам, зловеще объявил фюрер,

иногда приходится рисковать с такой же «безрассудной решимостью», как и военным деятелям. В любом случае Гитлер был уверен, что Британия не пошлет больше трех дивизий на помощь Франции и она «пока еще уязвима с воздуха», иначе говоря, сложилась вполне благоприятная ситуация, которая может измениться через два-три года. Что касается Франции, Гитлер заверил свою колеблющуюся аудиторию, что французам не только не хватает людей и современной материальной базы, но также и желания нападать на Германию с запада, что очень тревожило гитлеровских генералов во время мюнхенского кризиса 1938 года.

Гитлер завершил свою речь ошеломляющим известием об установлении им личного контакта со Сталиным и о подписании в течение ближайших сорока восьми часов пакта с СССР. Теперь Польша находится именно в том положении, которое фюрер считал наиболее желательным, и его тревожило лишь то, что какая-нибудь «свинья» предложит заступничество (как Муссолини в Мюнхене). Несомненно, считал фюрер, немецкие генералы будут ему благодарны за восстановление старой прусской традиции – дружить с Россией, как западные страны будут шокированы столь ошеломляющим дипломатическим *bouleversement*⁴. Гитлер, безусловно, хорошо знал своих генералов.

В тот же день, 22 августа, за день до публичного объявления о визите немецкого министра иностранных дел в Моск-

⁴ Потрясение (*фр.*).

ву, в документах британской военной делегации было записано следующее:

«Ситуация прояснилась. Очевидно, СССР пока втирался в доверие к обеим сторонам. Судя по всему, сейчас Советы пришли к выводу, что Германия занимает сильную позицию и неизбежно покорит Польшу; в случае чего, если они заключат пакт с Британией и Францией, то поставят себя против Германии раньше, чем будут вынуждены. СССР, вероятно, осознает, что его коммуникации и техника слабы, а штаб и организация – не готовы к ведению большой войны против сильного врага, особенно если ему придется конкурировать с отступающей польской армией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.